

ГРАЖДАНЕ КАК СУБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: ОПЫТ КОДИФИКАЦИИ 60-Х ГОДОВ XX ВЕКА*

Ю.И. КОВАЛЕВСКАЯ, ассистент кафедры теории и истории права БГЭУ©

Статья представляет собой историко-правовое исследование положений Гражданского кодекса БССР 1964 года о таких субъектах гражданского права, как граждане. Освещаются дискуссионные вопросы разработки положений Кодекса о правоспособности и дееспособности граждан, ограниченной дееспособности несовершеннолетних, признания гражданина безвестно отсутствующим и объявления умершим, нормы о возможности ограничения по суду дееспособности совершеннолетних граждан, злоупотребляющих спиртными напитками или наркотическими веществами. Проводится сравнительный анализ норм Гражданских кодексов БССР 1923 года и 1964 года, что позволяет выявить тенденции в развитии советского гражданского права 60-х годов XX века.

Вопрос о субъектах в рамках той или иной отрасли права в высокой степени отражает характер правового регулирования, варианты сочетания публичного и частного интереса. Анализ объема прав и обязанностей, ответственности субъектов права позволяет выявить ту степень свободы и защищенности, которая закрепляется государством в нормативных правовых актах, и в частности в кодексах. В этом смысле советский период интересен тем, что гражданское право, исторически призванное выражать частный интерес, во многом с ликвидацией частного предпринимательства, стало своей противоположностью. Если первый советский Гражданский кодекс БССР (далее – ГК) 1923 года был кодексом новой экономической политики, допускающей развитие предпринимательства, то ГК 1964 года являлся образцом нормативного правового акта периода «развернутого строительства коммунистического общества». Оценить и выявить специфику и тенденции гражданско-правового регулирования с современных позиций историко-правовой науки тех норм и категорий ГК 1964 года, которые посвящались вопросам правового статуса граждан, исследовать процесс разработки указанных положений является целью данной работы.

Литературные источники по данной проблематике можно разделить на две части. Одна из которых относится к советскому периоду, в частности работы Н.Г. Юркевича, Е.А. Флейшиц, В.Ф. Чигира и других. В них поднимаются вопросы разработки норм о субъектах гражданского права, проводится анализ положений кодифицированных актов 60-х годов. Вторая часть источников относится к современному периоду. Некоторые

вопросы, характеризующие правовое положение советских граждан по ГК 1964 года, освещаются в историко-правовых трудах таких белорусских ученых, как А.Ф. Вишневецкий, И.В. Вишневецкая, Т.И. Довнар, И.А. Юхо и другие.

Общие положения о субъектах гражданского права в ГК 1964 года носили достаточно разрозненный характер. Основной объем норм содержался в главе 2 «Лица», состоящей из двух параграфов: «Граждане» и «Юридические лица». Однако эта глава не охватывала иностранных граждан и апатридов, правовое положение которых впервые получило отражение в отдельном разделе Кодекса «Правоспособность иностранцев и лиц без гражданства. Применение гражданских законов иностранных государств, международных договоров и соглашений». Ранее, при кодификации 20-х годов, указанные вопросы в общем виде регулировались постановлением Президиума Центрального Исполнительного Комитета Белоруссии от 2 февраля 1923 года «О введении в действие Гражданского Кодекса РСФСР» [1]. Кроме того, в ГК 1964 года не был определен статус государства как субъекта гражданского права.

При сопоставлении норм ГК 1923 года и 1964 года становится очевидным, что, несмотря на многочисленные исследования советских ученых-цивилистов и неоднородность научных воззрений на такие правовые явления, как право- и дееспособность граждан, легальное определение этих понятий осталось по сути неизменным. Традиционно в ГК 1964 года под правоспособностью граждан понималась «способность иметь гражданские права и обязанности», а под дееспособностью – «способность гражданина своими действиями

* Статья поступила в редакцию 13 июля 2009 года.

приобретать гражданские права и создавать для себя гражданские обязанности» [2, ст. 9, 11]. Однако нужно отметить, что в период кодификационных работ вносились и альтернативные предложения. Например, в 1959 году Н.Г. Юркевич предлагал в будущих гражданских кодексах советских республик закрепить вместо термина «правоспособность» термин «правосубъектность», под которым следовало понимать не только возможность обладать правами и обязанностями, но и само наличие у субъекта права определенных прав и обязанностей [3, с.110]. Обосновывал свое мнение автор тем, что «по мере строительства коммунизма, во-первых, будут постоянно усиливаться материальные гарантии осуществления правоспособности и, во-вторых, все большее количество прав будет становиться чисто субъективными» [3, с.110], то есть действительными правами, для возникновения которых не нужна правоспособность (право избирать место жительства и род занятий и др.).

И в советское время, и в настоящий период проблема субъективных прав остается дискуссионной [4, с.154; 5, с.70]. Думается, что из-за ее неоднозначности современное легальное понятие правоспособности является таким же, как и в 60-е годы.

Интересное предложение при экспертизе проекта ГК 1964 года было высказано отделом правовых наук АН БССР и касалось определения термина «дееспособность». В замечаниях к проекту указывалось на необходимость расширения понятия дееспособности и предлагалось уточнить, что это возможность приобретать права и обязанности не только для себя, но и для других [6, л. 126]. В данном случае в расчет брался институт представительства, когда представитель своими действиями мог приобретать права и обязанности не только для себя, но и для других. Кроме того, предлагалось указать в определении дееспособности, что она включает не только элемент приобретения прав и обязанностей, но и их осуществление. Эти положения отражали распространенную в то время точку зрения [3, с.116–117; 7, с.15; 8, с.59]. Например, Н.Г. Юркевич считал, что в гражданских кодексах союзных республик под дееспособностью должна пониматься возможность лица своими действиями приобретать для себя и для других гражданские права и обязанности и осуществлять их. При этом под своими действиями он понимал волеизъявление [3, с.117]. Отметим, что законодатель 60-х годов не воспринял это предложение.

Сущность института представительства является и в наше время одним из дискуссионных вопросов гражданского права. Поэтому нерационально было бы в более общее понятие дееспособности, которое в частном случае может смыкаться с представительством, включать неоднозначные с точки зрения юридической науки элементы. Исходя из вышесказанного, обоснованным является отказ от расширения понятия

«дееспособность» за счет указания на возможность приобретать права для других.

В 60-е годы XX века существенные изменения затронули содержание гражданской правоспособности, что проявилось в нескольких моментах.

Во-первых, в ГК 1964 года перечень прав, составляющих содержание правоспособности, стал открытым, что соответствовало открытому перечню оснований возникновения гражданских прав и обязанностей, предусмотренному статьей 4 Кодекса. Дело в том, что предшествующий ГК 1923 года четко определял перечень прав и свобод, которыми наделялись граждане БССР как субъекты гражданского права. Среди них: право свободно передвигаться и селиться на территории БССР, избирать не воспрещенные законом занятия и профессии, приобретать и отчуждать имущества с ограничениями, указанными в законе, и другие [1, ст. 5]. Такая позиция законодателя была связана с одной из государственных задач в период новой экономической политики: создать рамки для частного предпринимательства [9, с.62].

Во-вторых, в ГК 1964 года воплотилась тенденция расширения содержания правоспособности за счет включения личных неимущественных прав. Исследователь Гражданского кодекса РСФСР 1922 года Т.Е. Новицкая указывала на то, что содержание гражданской правоспособности в этом акте замыкалось только на имущественных правах граждан. Однако анализ аналогичной статьи ГК БССР 1923 года показывает, что в перечне прав называются и личные неимущественные права, в частности свобода передвижения и выбора места жительства. Поэтому думается, что точнее будет говорить о том, что в содержании правоспособности по ГК 1923 года преобладающее место занимали имущественные права. В ГК 1964 года уже в качестве общего правила утверждалось, что граждане могут иметь, наряду с перечисленными в статье 10 правами, и иные имущественные и личные неимущественные права.

Своеобразное воплощение в ГК 1964 года получила норма ГК 1923 года об условиях защиты гражданских прав, которая предусматривала возможность защиты только в случае осуществления гражданских прав в соответствии с их социально-хозяйственным назначением [1, ст. 1]. Эта ограничительная тенденция была сохранена и в 60-е годы. Однако неоднозначный термин «социально-хозяйственное назначение» был заменен соответствующим идеологии того времени, но не менее оценочным положением: гражданские права должны были осуществляться в соответствии с их назначением в социалистическом обществе в период строительства коммунизма. При определении пределов осуществления гражданских прав важную роль играло не только соблюдение носителем права советских законов, но и уважение правил социалистического общежития, моральных принципов общества, строящего коммунизм [1, ст. 5].

Вслед за ГК 1923 года Гражданский кодекс 1964 года провозглашал равенство правоспособности граждан, недопустимость ограничения право- и дееспособности, кроме как в случаях и порядке, определенных законом, а также предусматривал недействительность сделок, направленных на ограничение право- или дееспособности [1, ст. 4, 10; 2, ст. 10, 12].

ГК 1964 года традиционно связывал возникновение правоспособности гражданина с моментом рождения. Однако при разработке данных норм отделом правовых наук АН БССР вносились предложения, позволяющие расширить рамки охраны интересов лиц, находящихся в эмбриональном состоянии, при условии, что они рождаются живыми, распространив эту охрану не только на наследственные, но и на жилищные права, а также на возмещение вреда в связи со смертью кормильца [6, л. 126]. Такой общей нормы сформулировано в ГК не было. Тем не менее, в статьях 457 и 527 Кодекса находим отдельные случаи учета интересов ребенка умершего лица.

Серьезные изменения в ГК 1964 года претерпели известные советскому гражданскому праву 20-х годов нормы о недееспособности и ограниченной дееспособности граждан, существенные усовершенствования коснулись института безвестного отсутствия.

Правовое регулирование вопросов объема дееспособности несовершеннолетних распалось на две составляющие: 1. дееспособность малолетних. При проведении кодификации 60-х годов ученые сошлись во мнении, что такими лицами являются несовершеннолетние, не достигшие 15 лет; 2. дееспособность несовершеннолетних в возрасте от 15 до 18 лет. Именно с этого возраста несовершеннолетний мог осуществлять трудовую деятельность в качестве рабочего и служащего [10, л. 120].

Предшествующим гражданским законодательством вопросы дееспособности малолетних (тогда таковыми считались лица в возрасте до 14 лет) отдельно не регулировались, то есть эти лица признавались недееспособными. Фактически же они заключали отдельные сделки. Проблемы приведения закона в соответствие с реальностью и создания гражданско-правовой нормы о возможности несовершеннолетних самостоятельно совершать соответствующие их возрасту мелкие бытовые сделки обсуждались научным сообществом в ходе кодификационных работ [3, с.118; 11, с.90]. Например, Н.Г. Юркевич предлагал различать следующие категории лиц: 1. несовершеннолетние до семи лет – полностью недееспособные; 2. несовершеннолетние с семи до пятнадцати лет – имеющие возможность совершать мелкие бытовые сделки; 3. несовершеннолетние в возрасте от пятнадцати до восемнадцати лет – наделенные рядом прав, определенных в законе [3, с.118]. Это предложение не было поддержано разработчиками ГК 1964 года. Итогом разработки указанных вопросов стало включение в граждан-

ские кодексы союзных республик положения, позволяющего лицам, не достигшим 15 лет, самостоятельно совершать мелкие бытовые сделки [2, ст. 13]. Такое решение являлось более рациональным, по сравнению с предшествующим ГК 1923 года, однако вводило в гражданское право новое оценочное понятие – мелкая бытовая сделка. Эта категория в полной мере не отражала всего реального объема дееспособности малолетних, и в целом ее содержание являлось неоднозначным.

В ГК было сохранено общее правило, позволяющее несовершеннолетним в возрасте от 15 (по ГК 1923 г. – 14 лет) до 18 лет совершать сделки с согласия родителей, усыновителей или попечителей [1, ст. 9; 2, ст. 14]. Несмотря на то, что вопрос дееспособности несовершеннолетних был отнесен к республиканской компетенции, на содержание этих норм большое влияние оказал процесс согласования проекта ГК БССР с союзными инстанциями (Консультативной группой при Юридическом отделе Президиума Верховного Совета СССР, Юридической комиссией при Совете Министров СССР). Так, именно с учетом рекомендаций Юридической комиссии при Совете Министров СССР был расширен первоначальный вариант, раскрывающий объем дееспособности несовершеннолетних в возрасте от 15 до 18 лет. В соответствии со статьей 14 ГК 1964 года такие лица получили возможность распоряжаться не только своим заработком, но и стипендией, осуществлять авторские и изобретательские права на свои произведения, изобретения и рационализаторские предложения, права на свои открытия. Эти лица, как и малолетние, могли совершать мелкие бытовые сделки.

В ГК 1964 года сохранилась норма, согласно которой полная гражданская дееспособность наступала по достижении 18-летнего возраста. Следует отметить, что ГК 1923 года не содержал исключений из этого правила, и на практике складывалась ситуация, когда лица, вступающие в брак до 18 лет (в тех случаях, когда это было возможно по закону), юридически считались лишь частично дееспособными: 1. они могли совершать сделки только с согласия своих представителей (родителей или попечителей); 2. могли самостоятельно распоряжаться получаемой ими заработной платой и отвечать за вред, причиненный их действиями другим лицам (ст. 9 ГК 1923 г.). Такая ситуация не отвечала реальным потребностям, поэтому было внесено предложение (в частности Н.Г. Юркевичем) признавать их полностью дееспособными. Это предложение нашло отражение в статье 14 ГК 1964 года.

Еще одной новеллой ГК 1964 года стали нормы о возможности ограничения по суду дееспособности совершеннолетних граждан, злоупотребляющих спиртными напитками или наркотическими веществами. Эти правовые предписания пришли на смену закрепленной в ГК 1923 года возможности объявления недееспособными по суду

лиц, которые чрезмерной расточительностью разоряют находящееся в их распоряжении имущество. К 60-м годам XX века в советской цивилистической науке главенствующим было мнение о необходимости выработки норм, позволяющих ограничивать дееспособность лиц, злоупотребляющих алкогольными и наркотическими веществами [3, с. 119]. Нормы ГК 1923 года не были эффективны в полной мере, поскольку позволяли расточителям распоряжаться своим заработком, который, как известно, в Советском Союзе был главным законным источником средств существования. Наиболее радикальное предложение в этой связи при разработке ГК БССР было сформулировано Витебской и Могилевской областными прокуратурами. Оно выражалось в необходимости предусмотреть возможность ограничивать по суду дееспособность таких лиц, которые вследствие «дурных страстей» оставляют семью без средств существования [12, л. 186]. Н.Г. Юркевич считал необходимым ввести в ГК БССР статью, позволяющую лишать этих лиц права распоряжаться своим заработком, а также предусмотреть, что всякие сделки, направленные на предоставление больному хроническим алкоголизмом средств, являются недействительными. Такие нормы могли бы, по мнению ученого, применяться к тем лицам, которые себя и свою семью оставляют без средств к существованию [3, с.119–120]. В ГК 1964 года эта идея была реализована даже в большей степени, поскольку по суду могла быть ограничена дееспособность всякого гражданина, злоупотребляющего спиртными напитками или наркотическими веществами, а не только лица с установленным диагнозом о хроническом алкоголизме или наркомании [2, ст. 17]. Для этого достаточно было того, что гражданин ставит семью в тяжелое материальное положение. Данная норма отвечала целям борьбы с пьянством и алкоголизмом в обществе, строящем коммунизм, но мало соответствовала сущности юридической категории «дееспособность», прежде всего направленной на обеспечение законных интересов самого субъекта права.

В процессе кодификации гражданского законодательства 60-х годов существенные изменения затронули институт безвестного отсутствия. Именно в гражданских кодексах того времени была заложена основа современных юридических конструкций «признания гражданина безвестно отсутствующим» и «объявления гражданина умершим». Предшествующее кодификации гражданское законодательство БССР в отношении указанных вопросов не отвечало потребностям времени, было слабо разработано, многие вопросы судами решались на основании принципа целесообразности или по аналогии с судебными решениями РСФСР [3, с.115]. Среди основных недостатков законодательства указанного периода, на наш взгляд, можно назвать следующие: не был

установлен срок, по истечении которого гражданин мог быть признан безвестно отсутствующим; процедура объявления гражданина умершим (по терминологии того времени «объявление пропавшим») могла иметь место только после процедуры признания гражданина безвестно отсутствующим – по истечении пятилетнего срока со дня публикации о признании гражданина безвестно отсутствующим; закреплялась однозначность последствий явки гражданина, объявленного умершим, – утрата права на получение ранее принадлежащего ему имущества [1, ст. 12].

Научная разработка этих вопросов, с учетом специфики послевоенного времени, позволила в ГК 1964 года существенно улучшить данные положения. Во-первых, был предусмотрен годичный срок, истечение которого являлось основанием для признания гражданина безвестно отсутствующим, если в период этого времени по месту постоянного жительства нет сведений о месте его пребывания (ст. 19). Во-вторых, объявление гражданина умершим предусматривалось в качестве самостоятельного института, который основывался на факте отсутствия в месте постоянного жительства гражданина сведений о месте его пребывания, по общему правилу, в течение трех лет (ст. 22). Специальной нормой предусматривалась возможность объявления пропавшего без вести в связи с военными действиями гражданина умершим не ранее, чем по истечении двухлетнего срока со дня окончания военных действий. В-третьих, существенно дифференцировались последствия явки гражданина, объявленного умершим (ст. 23). В-четвертых, законом был четко определен момент, с которым связывался предполагаемый день смерти лица, объявленного умершим – день вступления в законную силу решения суда об объявлении гражданина умершим. В случае же если лицо, пропало без вести при обстоятельствах, угрожавших смертью или дающих основание предполагать его гибель от определенного несчастного случая, то за судом признавалось право признать днем смерти такого гражданина день его предполагаемой гибели (ст. 22). Выработка этих норм сопровождалась выдвижением со стороны участников кодификационных работ различных предложений. Например, Ф.И. Гавзе полагал, что таким днем должен считаться день вынесения судебного решения. В.Ф. Чигир выступал с предложением (поддержанным большинством членов рабочей группы по разработке проекта ГК) считать таковым день вступления в законную силу решения суда [13, л. 187]. Судебная практика в то время шла по пути приурочивания момента, которым считался день смерти лица, объявленного умершим, ко дню, когда имело место событие, связанное с предполагаемой гибелью лица. Как показывает анализ этой нормы, в статье 22 ГК 1964 года был воплощен компромиссный вариант. Такое

решение соответствовало разъяснению Верховного Суда СССР, в котором днем смерти лица, объявленного умершим, мог считаться день вступления в силу судебного решения, только в тех случаях, когда нельзя точно определить предполагаемую дату и причины гибели [3, с.115].

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов.

1. Сравнивая статьи о содержании правоспособности ГК 1923 года и 1964 года, можно отметить, что в этой правовой категории отразился различный характер указанных нормативных правовых актов. Замкнутый перечень прав, входящий в содержание гражданской правоспособности в 20-е годы, тем не менее, выражал традиционный ориентир гражданского права на регулирование имущественных отношений, обеспечение, хоть и в специфических условиях нэп, экономического оборота путем поощрения предпринимательской деятельности. В ГК 1964 года напротив перечень прав открытый, однако среди них нет права совершать сделки и вступать в обязательства, приобретать и отчуждать имущество, которые были присущи ГК 1923 года. Действительно, некоторые права поглощаются общей формулой «право иметь иные имущественные и личные неимущественные права», однако очевидно, что включить в этот перечень, например, право

организовывать промышленные и торговые предприятия в 60-е годы было невозможно. Современное гражданское законодательство вернулось к традиционным ценностям частного права, а также восприняло достижения кодификации 60-х годов, в частности открытый перечень прав, отражающих содержание гражданской правоспособности.

2. По сравнению с ГК 1923 года Кодекс 1964 года отразил более высокий уровень гражданско-правовой науки. Дискуссия по поводу проекта ГК выявила ряд проблем регулирования правового статуса граждан, многие из которых были разрешены в период кодификации (усовершенствованы институты безвестного отсутствия и объявления гражданина умершим, вопросы правового статуса несовершеннолетних и другие). Некоторые из предложений, сделанных в ходе кодификационных работ, опередили свое время и были воплощены лишь в 90-е годы XX века.

3. В целом статьи главы Кодекса 1964 года о гражданах носили деидеологизированный характер, однако политическую окраску им придавали специальные нормы других разделов ГК (положения о пределах осуществления гражданских прав, о личной собственности граждан и другие), а также советская действительность, лишенная частной предпринимательской инициативы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Белорусской Социалистической Советской Республики. – Минск : Издательство П / отдела Отдела законодательных предположений НКЮ БССР, 1927. – 113 с.
2. Гражданский кодекс Белорусской ССР: Закон БССР от 11 июня 1964 г. // Приложение к Собранию законов, указов Президиума Верховного Совета БССР, постановлений и распоряжений Совета Министров БССР. – 1964. – №17(1057). – Ст. 183.
3. Юркевіч, М.Р. Пытанні правасуб'ектнасці і дэездольнасці савецкіх грамадзян у сувязі з кваліфікацыяй грамадзянскага права / М.Р. Юркевіч // Весці Акадэміі навук Беларускай ССР. Серыя грамадскіх навук. – 1959. – №4. – С. 108–120.
4. Гражданское право : учебник : в 2 ч. / В.Н. Годунов [и др.] ; под общ. ред. В.Ф. Чигира. – Минск : Амалфея, 2000. – Ч. 1. – 976 с.
5. Советское гражданское право : учеб. пособие для юридич. факультетов и вузов : в 2 т. / О.С. Иоффе [и др.] ; отв. ред. : О.С. Иоффе, Ю.К. Толстой, Б.Б. Черепяхин. – Л. : Изд-во Ленинград. университета, 1971. – Т. 1. – 472 с.
6. Замечания и предложения отдела правовых наук АН БССР к проекту Гражданского кодекса БССР // Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси. – Фонд 4. – Оп. 1. – Д. 35. – Л. 125–132.
7. Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Белорусской ССР / К.А. Борзова [и др.] ; под ред. Ф.И. Гавзе, В.Ф. Чигира. – Минск : Изд-во БГУ, 1972. – 408 с.
8. Гражданское право БССР : учеб. пособие для юридич. факультетов и вузов : в 3 т. / К.А. Борзова [и др.] ; под ред. В.Ф. Чигира. – Минск : Изд-во БГУ, 1975. – Т.1. – 384 с.
9. Новицкая, Т.Е. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года / Т.Е. Новицкая. – М. : ИКЦ «Зерцало-М», 2002. – 224 с.
10. Рекомендации по вопросам, требующим единообразного разрешения в проектах гражданских кодексов союзных республик // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 7. – Оп. 5. – Д. 1117. – Л. 118–142.
11. Флейшиц, Е.А. Теоретические вопросы кодификации республиканского гражданского законодательства / Е.А. Флейшиц, А.Л. Маковский // Советское государство и право. – 1963. – №1. – С. 79–91.
12. Замечания и предложения по проекту Гражданского кодекса БССР // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 7. – Оп. 5. – Д. 1117. – Л. 180–251.